
Алёна Скорнякова
Детская дача
«Солнышко»

Алена Скорнякова

Детская дача "Солнышко"

«Автор»
2026

Скорнякова А.

Детская дача "Солнышко" / А. Скорнякова — «Автор», 2026

Эта книга посвящается всем нам — верным друзьям из одного всесоюзного детства. Она создана специально для взрослых, которые закопались в делах и забыли, каково это — радоваться каждой минуте.Как снова стать счастливым ребёнком? Открыть эту книгу! Перед вами яркий, тёплый сборник рассказов для всех, кто соскучился по искренним улыбкам, бесконечным каникулам и атмосфере советского лета.Что может произойти за несколько месяцев на детской даче? Да всё что угодно, если за дело берутся неугомонные девчонки и мальчишки! Эта книга — хроника одного удивительного лета, которая перенесёт вас во времена, когда деревья были огромными, а мир вокруг — полным чудес. Магия диафильмов на стене, воздушный змей, дегустация зубной пасты — готовы ли вы, мальчишки и девчонки советской эпохи, вспомнить всё это? Переверните страницу, улыбнитесь и снова почувствуйте себя самыми счастливыми детьми на свете!

© Скорнякова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Апельсин против груши, или самое вкусное утро 5
Начинаем бег на месте 8
Как Мишка киселём пожар тушил 10
Тайна соседней кровати 13
Дворянское сословие 15
Горчичники по собственному желанию 17
Диафильм с препятствиями, или Как Мишка в дамскую комнату ходил 19
Картошка в мундире и без 21
Как я Пушкина одолжила 23
Трюкач поневоле 25
Тайна «Избушки на курьих ножках» 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Детская дача "Солнышко"

Апельсин против груши, или самое вкусное утро

Летом, чтобы мы не мешали родителям самоотверженно трудиться на благо Родины, нас отвозили оздоравливаться на природу — на детскую дачу. Воздух там был такой чистый, что голова кружилась. Сосны стояли до самого неба, а трава была такой зеленой, что от неё даже немного рябило в глазах. Но самое главное и удивительное событие происходило каждое утро, ровно в семь часов тридцать минут.

Как только раздавался бодрый горн в динамиках, нас вели умываться и чистить зубы. И вот тут-то начиналось настоящее таинство, потому что нам выдавали самую вкусную пасту на свете.

Она была в таком красивом тюбике с нарисованными ягодами, пахла просто умопомрачительно, а на вкус была такой, что её решительно невозможно было выплюнуть. Мальчишки из нашего отряда, конечно, зубы не столько чистили, сколько эту пасту просто-напросто ели. Они выдавливали её на палец толстым слоем, отправляли в рот и с блаженством зажмуривались.

И вот у нас в умывальнике случился принципиальный научный спор.

— Это чистой воды дюшес! — чавкая, авторитетно заявил Мишка, размазывая белую пену по щекам. — Абсолютная, стопроцентная груша, сладкая, спелая, которую с дерева сорвали. Я в грушах толк знаю, мне бабушка из Краснодара привозила!

— Да какая же это груша, чудак ты человек! — возмутился Костик и даже щёткой замахнулся. — Это же чистый апельсин! С кислинкой! Настоящий тропический апельсин из магазина «Фрукты», за которым мама два часа в очереди стояла!

— Сам ты из очереди! — обиделся Мишка. — Скажи ещё, что это лимон! Груша это! Ребята, ну скажите ему!

Весь наш отряд тут же разделился на два непримиримых лагеря. Мальчишки яростно выдавливали из тюбика новые порции, дегустировали, причмокивали языками и кричали на весь умывальник:

— Груша! Садовая!

— Апельсин! Заморский!

— Вообще-то, на ананас похоже! — пискнул маленький с третьей койки, но на него шикнули.

В самый разгар нашей дискуссии, когда Костик уже собирался доказать правоту апельсина с помощью лёгкого щелчка по Мишкиному носу, в умывальник решительным шагом вошла наша няня Арина Родионовна. Она была добрая, в белом накрахмаленном халате, но пасту есть не разрешала.

— Это что ещё за митинг «Умывальников», кто мочалок командир? — строго спросила она, уперев руки в бока. — Почему паста на ушах? Почему зубы не чищены, а тюбики уже пустые наполовину?

— Арина Родионовна! — бросился к ней Мишка, как к главному арбитру. — Рассудите нас, а то у нас сейчас дружба развалится! Костик говорит, что паста апельсиновая. А я-то чувствую — груша! Натуральный дюшес!

Няня посмотрела на них, как на неразумных цыплят, вздохнула, взяла в руки тюбики и прищурилась, отыскивая очки на цепочке.

— Эх вы, грамотеи, — покачала она головой. — На благо Родины собираетесь трудиться, а этикетку прочитать не можете. Вот же написано чёрным по белому: «Детская гигиеническая. С ароматом...» Так, подождите. «С ароматом спелого апельсина». Вот! Апельсиновая она! Костик прав. Вопросы есть?

Мальчишки притихли. Костик победоносно посмотрел на Мишку и показал ему кончик языка. Но Мишка не сдавался. Он набрал в грудь побольше воздуха и упрямо сказал:

— Написать-то они на фабрике что угодно могли! Может, у них там чернила перепутались. А на вкус — вы сами попробуйте! Чистая груша. Вот прямо клянусь вам, грушевее не бывает!

Арина Родионовна посмотрела на Мишку, потом на тюбик, потом снова на Мишку. На её лице отразилась глубокая внутренняя борьба. С одной стороны, она была педагогом и образцом для подражания. С другой стороны, Мишка так убедительно шмыгал носом, что авторитет фабрики «Свобода» явно пошатнулся.

— Ну хорошо, — сдалась няня. — Исключительно в целях педагогической экспертизы.

Она аккуратно выдавила на чистый палец крошечную, с горошину, каплю пасты и осторожно отправила её в рот.

Весь умывальник замер. Мы даже дышать перестали. Костик затаил дыхание, Мишка зажмурился от волнения. Няня медленно пожевала пасту, посмотрела в потолок, прислушиваясь к своим ощущениям, и вдруг её лицо выразило крайнее изумление.

— Батюшки... — тихо сказала она. — И правда...

— Что?! — хором выдохнули мы.

— И правда, груша! — восторженно объявила она. — Да какая сочная! Точно, дюшес! Обманули на фабрике!

В этот момент в умывальник заглянула воспитательница, но мы этого уже не замечали. Мы громко смеялись, Костик признал своё поражение, а Арина Родионовна, совершенно забыв про строгий режим, выдавила себе ещё немножко «груши» и вместе с нами весело смеялась, пошла помогать заправлять кровати!

Начинаем бег на месте

Главным по нашему здоровью был физрук Пал Палыч — человек широкой души и такого же обхвата в талии. Каждое утро он дул в никелированный свисток так, что с вековых дубов осыпалась листва, и громогласно командовал: «На се-е-рьезную зарядку — становись!»

Зарядка у нас проходила чрезвычайно весело. Главной звездой оздоровительного процесса был Мишка — толстый мальчик, гордость своей бабушки. Мишка относился к физкультуре как к личному оскорблению. Когда Пал Палыч кричал: «Руки выше, ноги шире, накло-

няемся вперед!», мы честно пытались коснуться пальцами травы. Но у Мишки между руками и травой непреклонно вставал его собственный живот.

Мишка не сдавался. Он зажмуривался, набирал в легкие побольше воздуха и начинал наклоняться. При этом он издавал такие звуки, будто тяжелогруженый товарный поезд пытается въехать на крутую гору:

— Пых-пых-пых… О-о-о-х-х-х… Ш-ш-ш-шух!

На моменте «пых-пых» весь наш отряд уже начинал тихонько хихикать. А когда Мишка, окончательно застряв в полунаклоне, громко выдал: «Ту-ту-у-у! Тормоза отказали!», — Пал Палыч сам чуть не проглотил свой свисток от смеха. Мы просто покатились по траве. Какое уж тут оздоровление, когда от смеха сводит животы!

Но самое интересное случилось чуть позже. Пал Палыч, утерев слезы, скомандовал:

— Так, шутники! Внимание! А теперь — бег на месте! На-а-ачали!

Дети переглянулись. Бег на месте? Что за глупости? Как можно бежать и никуда не прибежать? Это же совершенно нерациональное использование детских сил!

— Наперегонки! — шепнули мальчишки в первом ряду.

И как только Пал Палыч дунул в свисток, первый ряд дружно, с победным криком «Ура-а-а!», рванул вперед, а за ними и остальные наперегонки к столовой!

— Стоять! — закричал сзади Пал Палыч, — На месте! Я сказал — НА МЕСТЕ-Е-Е!

Но куда там! Всех было уже не остановить, мчались так, что пятки сверкали, искренне уверенные, что «бег на месте» — это просто такое кодовое название для спартакиады до ближайших кустов. Мишка, кстати, бежал последним, но пыхтел так громко и победоносно, будто лично возглавлял этот забег.

В общем, оздоровились мы в тот день на полную катушку. Пал Палыч потом долго качал головой и говорил, что с такой сборной по легкой атлетике родине точно ничего не грозит. И мы с ним были абсолютно согласны!

Как Мишка киселём пожар тушил

Дача у нас была отличная: кругом деревья, птицы поют, а из главного корпуса каждое утро так вкусно пахло запеканкой, что даже самые отъявленные малоежки набегавшись на природе и надышавшись целительным воздухам начинали поглядывать в сторону столовой.

В тот день на обед давали борщ, котлету с пюре и густой, как жидкое стекло, розовый кисель. Мы с Леночкой сидели за столом и мирно обсуждали, можно ли с помощью большой садовой лейки долить воды в речку, чтобы в ней завелись киты.

Вдруг Мишка, который сидел напротив нас, замер и уставился в центр стола. Там, рядом с солонкой, стояла маленькая стеклянная баночка с жёлто-коричневой массой, а рядом целая банка горчицы, которую повариха тётя Люба случайно забыла на нашем столе.

— Ребята, — шёпотом спросил Мишка, округлив глаза. — А это что? Я такого ни разу не пробовал.

— Это горчица, — со знанием дела ответила Леночка, которая была экспертом во всех блюдах. — Её только взрослые едят.

Мишка прищурился. В этот момент к соседнему столу как раз подошёл Пал Палыч. Он весело подмигнул нам, взял нож, подцепил самую малюсенькую капельку горчицы и аккуратно

размазал её по корочке чёрного хлеба. После чего с аппетитом откусил и крякнул от удовольствия.

— Ага! — победоносно воскликнул Мишка. — Раз взрослые её так мало мажут, значит, это страшный дефицит! И наверняка это безумно вкусно, просто они от нас прячут!

Пока мы пытались сообразить, в чём тут подвох, Мишка перешёл к решительным действиям. Он схватил столовую ложку, зачерпнул из банки добрую порцию горчицы — с огромной такой, завидной горкой — и шлёпнул её прямо на кусок белого батона.

— Мишка, не надо! — пискнула Леночка.

Но было поздно. Мишка зажмурился от предвкушения и разом откусил большую половину бутерброда.

Первую секунду всё шло хорошо. Мишка даже успел прожевать и сделать такое лицо, будто он как минимум граф на званом обеде.

— Ну как? — хором спросили мы.

— Вку-у-усно… — начал было Мишка, но тут его глаза внезапно стали круглыми, как чайные блюдца.

В следующую секунду Мишка начал стремительно менять цвет. Сначала он стал розовым, как наш кисель. Потом — малиновым, как борщ. А под конец его щёки приобрели такой пунцовый оттенок, какому позавидовал бы спелый помидор на грядке.

— О-о-о-о-о! — изрек Мишка, не открывая рта, а из его глаз брызнули самые настоящие слёзы. Внутри у него явно бушевал вулкан.

— Горю-ю-ю! — наконец прохрипел он и схватил первое, что попалось под руку — тарелку с горячим борщом. Он сделал огромный глоток, но борщ, понятное дело, пожар не потушил, а только добавил жару.

Тогда Мишка схватил стакан с тёплым киселём и вылил его в себя за один приём. Не помогло! Он принялся хватать стаканы у соседей.

— Ребята! Алька! Ленка! — сипел Мишка, размахивая руками, как ветряная мельница. — Дуйте! Дуйте мне в рот, скорее, а то сгорю!

Мы с Леночкой набрали полные лёгкие воздуха и изо всех сил принялись дуть Мишке прямо в лицо. Лена махала на него своей панамкой. Со стороны это выглядело так, будто мы пытаемся раздуть костёр прямо посреди столовой.

На этот шум подошёл физрук. Увидев банку горчицы, раскрасневшегося Мишку и нас, дующих на него со всех сторон, Пал Палыч не выдержал. Он громко захохотал на всю столовую, схватившись за живот.

— Ну, Мишка! — сквозь слёзы смеялся физрук. — Ну, богатырь! Настоящий дракон!

Тут, откуда ни возьмись, появилась наша строгая медсестра Елена Петровна в белоснежном халате. Она грозно посмотрела на хохочущего физрука и сдвинула брови.

— Пал Палыч, ничего смешного здесь нет! — строго отрезала она. — У ребёнка же сейчас воспламенение слизистой произойдёт!

Елена Петровна решительно взяла Мишку за руку. Мишка, у которого из носа и глаз всё ещё капали слёзы, безропотно поплёлся за ней.

— Веду его в изолятор! — объявила медсестра. — Будем спасать товарища пострадавшего. Крахмальное обволакивание делать.

Вечером мы с Леночкой пошли навещать нашего «дракона». Мишка сидел на белой кровати в изоляторе, совершенно здоровый, довольный и счастливый. На тумбочке у него стояла целая бадья прохладного киселя, которую ему выделила сердобольная повариха тётя Люба для окончательного тушения пожара.

— Ну как ты? — спросили мы.

Мишка зачерпнул ложку розового киселя, отправил её в рот и хитро улыбнулся:

— Отлично! Кисель — во! А горчицу эту… пусть взрослые сами едят. Мне для них даже дефицита не жалко!

Тайна соседней кровати

Кормили нас по часам, заставляли дышать сосновым воздухом и пить парное молоко с пенками. Главной звездой нашего отряда стал Мишка. Мишка был парнем основательным, круглолицым и обладал такими выдающимися габаритами, что природа как будто специально устроила вокруг него полосу препятствий. Он застревал везде: в дверях веранды, в проёме качелей и даже однажды в широком дачном гамаке, откуда мы выковыривали его всей группой, как изысканную жемчужину из раковины. Но Мишка не унывал — он только благодушно сопел.

И вот как-то ночью случилась история, после которой наше оздоровление чуть не сорвалось от хохота.

Среди ночи Мишка проснулся от того, что дачное молоко потребовало выхода на волю. На цыпочках (что в Мишкином исполнении напоминало поступь вежливого слона) он выбрался из комнаты, дошёл до конца коридора, сделал свои дела и побрёл обратно. Но поскольку спал он на ходу, на обратном пути Мишка перепутал двери и на автопилоте завернул в девчачью комнату.

В темноте все кровати казались одинаковыми. Мишка подошёл к крайней, развернулся кормой и с размаху, с облегчённым вздохом «Ух!», рухнул на подушки.

Эффект получился тектонический. На этой кровати мирно спала тоненькая и невесомая Леночка. По законам физики, когда на один конец пружинной сетки обрушился центнер Мишкиного здоровья, противоположный конец сработал как заправская катапульта. Леночка, даже не успев проснуться, взмыла в воздух, описала красивую дугу и с мягким «Шмяк!» приземлилась прямо на соседнюю кровать.

— А? Что? Землетрясение?! — закричала Леночка, барахтаясь в чужом пододеяльнике.

— Ой, мама, на меня шкаф упал! — спросонья завопила её соседка.

Мишка, который уже наполовину погрузился в царство Морфея, только сладко причмокнул и натянул на себя всё одеяло. В девчачьей комнате поднялась такая паника, будто туда ворвался отряд диких кабанов. Девчонки визжали, прыгали на кроватях и звали няню.

На этот ультразвук примчалась наша няня — Арина Родионовна (мы её звали так за тихий нрав и умение рассказывать сказки на ночь, хотя по паспорту она была просто тётя Валя). Она распахнула дверь, и её спокойный голос мгновенно перекрыл весь девичий хор:

— Это что за цыганский табор в три часа ночи?! Быстро всем спать!

Она зажгла свет и застыла. На Леночкиной кровати, свернувшись уютным калачиком и сладко посапывая, лежал богатырь Мишка. На соседней кровати, бледные как мумии, сидели напуганные девочки.

— Так... — Арина Родионовна упёрла руки в бока. — Медведь в берлоге, а Маша на полу? Михаил, а ну-ка подъём! Ты почему чужую жилплощадь оккупировал?

Мишка открыл один глаз, посмотрел на розовые обои с бабочками, потом на Арину Родионовну, потом на девчонок и ничего не понял.

— Ой, — сказал Мишка и густо покраснел. — А я думал, почему мне подушка земляникой пахнет... Извините, я, кажется, адресом ошибся.

Под дружный хохот всего девчачьего отряда Мишка, укутавшись в простыню наподобие римского сенатора, величественно пошагал в свою палату. Арина Родионовна быстро навела порядок: Леночку водрузила обратно на законную кровать, всех уложила, подоткнула одеяла и строго пригрозила, что завтра вместо компота все будут пить рыбий жир, если не заснут через минуту.

Утром, конечно, вся дача только об этом и говорила. Мишка, чтобы загладить вину, уступил Леночке за завтраком свою порцию запеканки. Леночка его простила и сказала, что летать во сне — это даже к лучшему, значит, растёшь. А мы с девочками потом ещё долго проверяли перед сном, не забрели ли к нам в палату чужие «пришельцы».

Дворянское сословие

Лето на нашей оздоровительной даче шло отлично, пока на горизонте не замаячил Родительский день. Родительский день — это вам не просто так. Это когда приезжают мамы, папы и бабушки, смотрят на тебя в упор и пытаются понять: похудел ты, поправился или тебя вообще подменили.

Наш товарищ Мишка к этому событию относился с трепетом. Дело в том, что Мишка был парнем... основательным. Богатырского телосложения. И из-за своей выдающейся полноты он

постоянно попадал в истории. Наша няня, Арина Родионовна, которая знала миллион сказок, всегда говорила: «Мишенька, ты не толстый, ты просто очень плотно упакованный!»

И вот, накануне приезда родителей, Мишка решил навести лоск. Он полез в свой шкаф, на свою личную верхнюю полку за парадным костюмом. Шкаф у нас был старый, деревянный, с узкими дверцами. Мишка засунул туда голову, потом плечи, потом… В общем, в шкафу осталась только его филейная часть, которая никак не хотела продвигаться ни вперёд, ни назад.

— Эй, кто-нибудь! — глухо донеслось из недр гардероба. — Я, кажется, это… зафиксировался.

— Ты как Винни-Пух в гостях у Кролика! — захихикали мы, безуспешно дергая его за шорты. — Зачем ты туда целиком-то залез?

— Я нарядную одежду искал! — сопел Мишка. — Помогите, а то Арина Родионовна увидит — опять скажет, что шкафы нынче узкие пошли!

Кое-как, с кряхтением и с помощью подоспевшей няни, мы вытащили Мишку обратно на свет божий. В руках он победно сжимал свой парадный синий костюм. Но радовался Мишка рано. За месяц на дачных харчах и пышных ватрушках его вес изменился настолько решительно, что брюки наотрез отказались застёгиваться даже на выдохе. А пиджак трещал по швам так громко, что птицы за окном от страха взлетали.

Мишка в отчаянии бросился к куче рюкзаков и чемоданов, которые привезли из камеры хранения.

— О! Вот мой рюкзак, точно! — обрадовался он, пытаясь натянуть чьи-то чужие спортивные штаны, которые оказались ему по колено.

— Мишка, постой! — закричал Костик, разглядывая бирку. — Это мой рюкзак! Это мои штаны, отдай, ты их сейчас порвешь!

Ситуация становилась критической. За полчаса приезда гостей, Мишка стоит в одних трусах и панамке, а его парадная одежда годится разве что на куклу.

— Выход один, — скомандовала Арина Родионовна, утирая слёзы от смеха. — Бегом в костюмерку! Там всегда есть запасная одежда разных размеров.

Мы помчались через весь лагерь. Костюмерша, выслушав нашу трагедию, нахмурилась, залезла в самый дальний угол своего склада и достала оттуда огромный пакет.

— Вот, держите! — сказала она. — Настоящий готовый костюм. Остался от нашего театра для встречи почетных гостей. Как раз Мишкин размер!

Мы схватили пакет, и пулей полетели обратно. Когда до родительского автобуса оставалось пять минут, Мишка наконец вышел из комнаты.

Мы обомлели. Арина Родионовна всплеснула руками.

Это была не просто форма. Ему выдали костюм традиционного русского купца-хлебосола для театральных представлений! Ярко-алая шелковая рубаха-косоворотка, подпоясанная золотым шнуром с кистями, безразмерные шаровары и лаковые сапоги. Не хватало только картуза с цветком. На Мишкиной круглой и довольной физиономии этот наряд сидел как влитой. Он больше не был просто толстым мальчиком — он выглядел как директор ярмарки!

Когда автобус с родителями остановился у ворот, Мишка первым стоял на крыльце. В своей алой рубахе он сиял, как праздничное солнце.

Его мама, выйдя из автобуса, сначала остолбенела, а потом закричала на всю дачу:

— Мишенька! Сыночек! Какая прелесть! Вас что, на даче в дворянское сословие посвятили?!

Все родители громко засмеялись. А Мишка важно шёл им навстречу, шурша шёлковыми шароварами, и всем своим видом показывал: да, лето на даче удалось на славу!

Горчичники по собственному желанию

Лето на детской даче — это вам не шутки. Это солнце, речка, полезная еда, ну и конечно, наш весёлый друг Мишка. Мишка у нас парень основательный, выдающийся во всех отношениях, особенно в ширину. Из-за своей богатырской полноты он постоянно куда-нибудь не помещался. Но Мишка не унывал, он говорил, что это не он толстый, а вещи вокруг слишком узкие.

Командовала нашей дачной жизнью няня, которую все уважительно звали Ариной Родионовной. Она была добрая, но к порядку строгая. Особенно по вечерам, когда наступало время великого дачного исцеления.

Стоило кому-то один раз чихнуть, как Арина Родионовна объявляла чрезвычайное положение. Приходила медсестра Елена Петровна, заболевших малышей дружным рядком укладывали на кровати. Начиналось настоящее волшебство и по совместительству пытка: им ставили банки и горчичники. Банки весело горели огоньками и присасывались к спинам, как огромные стеклянные пуговицы, а горчичники пахли так остро, что за версту было слышно — идет борьба за здоровье!

Все лежали такие важные, несчастные и окруженные всеобщим вниманием. А мне одной ничего не доставалось! Я была здорова как бык, и это казалось мне ужасной несправедливостью.

Особенно я завидовала Мишке. Когда дошла очередь до него, Елена Петровна осмотрела его необъятную спину, вздохнула и сказала:

— Ну, Михайло, у тебя тут целый полигон. Одним горчичником не обойдешься.

И шлепнула ему на спину аж два горчичника сразу! Потому что площадь у Мишки была поистине стратегического масштаба. Мишка лежал, кряхтел от гордости и тепла, и выглядел как настоящий герой, получивший сразу два ордена за мужество.

Тут мое терпение лопнуло окончательно. Я тоже захотела ордена! И два горчичника! А лучше три, у меня же тоже спина имеется, пусть поменьше и полегче весом.

Я зажмурилась, набрала в легкие побольше воздуха и начала громко, изо всех сил кашлять.

— Кхэ! Кхэ! Кхэ! — заходилась я, стараясь придать лицу максимально страдальческий вид.

Я кашляла так художественно, что позавидовал бы любой артист больших и малых театров. Я закатывала глаза, хваталась за грудь и всем своим видом показывала, насколько я тяжело и безнадежно больна. Мир теряет такого человека, а мне даже горчичника пожалели!

Няня подошла к моей кровати, подперла щеку рукой и стала внимательно на меня смотреть. Я выдала финальный, самый душераздирающий аккорд:

— Кхы-ы-ы! Ой, умираю, кашель замучил!

— Да-а, — протянула Арина Родионовна, пряча улыбку в кулак. — Дело серьезное. Тут горчичниками не поможешь. Случай редкий, запущенный. Тут нужно особое, секретное средство.

У меня аж дух захватило. Неужели три горчичника?! Или даже четыре?! Вот Мишка обзавидуется!

Няня ушла на веранду и вернулась, держа в руках... большую столовую ложку и банку с вишневым вареньем.

— Самый тяжелый кашель, — торжественно объявила она, — лечится исключительно ложкой варенья перед сном. Ну-ка, открывай рот, страдалица!

Мишка со своей кровати аж подпрыгнул, чуть горчичники не растерял:

— Арина Родионовна! У меня же площадь больше! Мне тогда целую банку надо для справедливости!

Медсестра и няня дружно расхохотались. Горчичники мне в тот вечер так и не достались, но я не сильно расстроилась. Вишневое варенье оказалось куда вкуснее, а кашель у меня прошел сам собой — прямо в ту же секунду!

Диафильм с препятствиями, или Как Мишка в дамскую комнату ходил

Изолятор на нашей даче считался самым курортным местом на свете. Пока весь наш отряд под присмотром Пал Палыча маршировал на плацу, счастливчики из изолятора жили как короли. «Вот же везет людям! — думала я каждый раз, проходя мимо белых занавесок. — Лежи себе, болей, да еще и диафильмы весь день смотри!»

И вот однажды в тихий час Арина Родионовна объявила:

— Отряд, строиться! Идем в изолятор на культурную программу.

Нас завели в небольшую, наглухо затемненную комнату. На стене была натянута белоснежная простыня, а на столе гордо возвышался фильмоскоп — железное чудо техники, слегка пахнущее нагретой лампой. Нас всех усадили прямо на пол, выдав каждому по большой, пышной и невероятно мягкой перьевой подушке. Мишке, как самому крупному ценителю искусства, досталась самая большая и пышная подушка. Он был парнем основательным, круглым и очень позитивным. Из-за своей богатырской полноты он регулярно попадал в разные истории.

Если в заборе существовала щель, Мишка обязательно проверял её на прочность и оставался там до прихода спасательной бригады в лице Арины Родионовны.

Но Мишка никогда не унывал, а его оптимизму позавидовал бы любой сытый кот.

Добрая медсестра Елена Петровна вставила пленочный рулончик в аппарат, щелкнула выключателем, и на стене ожила сказка. Она тихонько крутила колесико, кадры сменялись, а она читала текст вслух приятным голосом. Все затаили дыхание.

В тот день показывали «Колобка». Атмосфера стояла невероятная.

И вот, в самый разгар сюжета, когда на экране Колобок как раз перехитрил волка, Мишка вдруг отчаянно зашептал мне на ухо:

— Алька… Мне срочно надо припудрить носик. Мне надо в дамскую комнату.

— Куда? В какую еще комнату? — так же шепотом спросила я. — Она же дамская, туда мальчиков не пускают!

— Мама так говорит всегда, не важно, — запыхтел Мишка, — главное — выйти! Только тихо, чтобы Арина Родионовна не ругалась.

Мишка решил не привлекать к себе внимания. План был надежен, как швейцарские часы: бесшумно встать, проскользнуть вдоль стеночки и исчезнуть в темноте. Но план разбился о суровую реальность советской перьевой подушки.

Мишка попытался подняться, но не тут-то было! Его солидный вес наглухо вдавил подушку в пол. Он провалился в нее, как в зыбучие пески. Подняться без опоры в темноте не было никакой возможности.

Мишка кряхтел, сопел, пытался помочь себе руками, но руки тоже по локоть уходили в пух. В темноте это выглядело так, будто кто-то отчаянно борется с невидимым осьминогом.

— Эх, была не была! — прошептал Мишка.

Оставив попытки принять вертикальное положение, он просто… кубарем перекатился с подушки на пол и пополз.

В темноте послышался странный звук: *«Шурх-шурх-шмяк»*. Это целеустремленный Мишка, катался по полу, как сказочный Колобок, пытающийся уйти и от бабушки, и от дедушки, и от Арины Родионовны.

— Ой, кто меня за ногу схватил? — пискнула Леночка, которую Мишка случайно задел в темноте.

— Это не я, это привидение из диафильма! — шепотом оправдывался Колобок-Мишка, упорно продвигаясь к выходу на четвереньках.

В этот момент медсестра перекрутила кадр, и на стене появился яркий титр: «Куда же ты, глупый колобок?»

Весь зал, который уже минуты две наблюдал за копошением и кряхтением на полу, просто лежал от хохота. Смеялись все: и ребята на подушках, и медсестра, и даже строгая Арина Родионовна, которая включила свет и застала Мишку в самый победоносный момент — когда он, наконец, дополз до двери и торжествующе держался за ручку.

— Ну, Михайло, — улыбнулась Арина Родионовна, качая головой. — Ну, артист! С таким талантом тебе не в дамскую комнату надо, а сразу в цирк, на арену!

Мишка, ни капли не смутившись, встал, отряхнул коленки, раскланялся перед рыдающим от смеха отрядом и гордо удалился по своим важным делам. А диафильм мы потом досмотрели. И честно сказать, Мишкин «фильм» получился куда интереснее!

Картошка в мундире и без

В тот день мы с Леночкой были не просто отдыхающими, мы были Главными Хранителями Борща и Котлет! Нам выпала великая честь — дежурство по столовой на нашей детской даче. Мы были настолько горды собой, что наши носы смотрели исключительно в потолок, а на спине будто выросли невидимые крылья. Самый главный бонус дежурства — нас официально, по приказу начальника дачи, освободили от сон-часа! Пока вся дача послушно сопела в подушки, мы вершили великие кулинарные дела.

В нашу команду также входил Мишка — парень выдающихся габаритов во всех смыслах. Вот и в столовой он сразу нашёл своё истинное призвание.

Пока Леночка с умным видом ходила между столами и поправляла стулья, Мишка занялся самым важным делом — дегустацией.

— Так, — авторитетно заявляла Леночка, поправляя косынку. — В суп идет картошка, лук и лавровый лист. Главное — баланс!

— Баланс идеален! — сыто урчал Мишка, отправляя в рот третью булочку. Повара от Мишки были в полном восторге. Такой искренней любви к их стряпне они не видели со времен открытия дачи.

Но тут шеф-повар тётя Люба выдала нам три маленьких ножика и указала на огромное ведро с картошкой. Началась настоящая битва!

Я чистила картофелины одну за другой. Они получались круглыми, гладкими, хоть на сельскохозяйственную выставку отправляй! У меня выросла целая гора. Леночка чистила медленно, но аккуратно, комментируя: «Картошка должна быть очищена по спирали, так сохраняются витамины!».

А что же Мишка? Мишка пыхтел, сопел, крутил в руках несчастный корнеплод, но нож никак не хотел его слушаться. В итоге картошка просто выскакивала у него из рук и с грохотом летала по кухне, как артиллерийский снаряд. За полчаса Мишка не почистил ни одной штуки.

Посмотрев на мою аккуратную кучу и на своё пустое блюдо, Мишка ничуть не смутился. Он величественно вытер лоб фартуком, отложил ножик и басом произнес:

— Ну, знаете, что... Это вообще не богатырское дело — картошку чистить!

Мы с Леночкой так и покатились со смеху.

— Да ладно тебе, Мишка, просто признай, что ты её боишься! — подмигнула я.

— Ничего я не боюсь! — гордо ответил наш добряк, разглядывая свои руки. — Просто у тебя, Алька, пальчики тоненькие, удобные, как раз чтобы этот микроскопический ножик держать. А у меня что? У меня не пальцы, а настоящие богатырские сардельки! Разве можно сардельками совершать такие ювелирные действия?

От этого сравнения тётя Люба так расхохоталась, что чуть не уронила половник в кастрюлю с компотом. В итоге «богатыря» Мишку с его сардельками перевели на другую, более подходящую его масштабу должность — торжественный вынос чистой посуды до столов. И надо признать, с этой задачей наш Мишка справился на ура, ни разу нигде не застряв!

Как я Пушкина одолжила

Как-то раз в разгар лета наш отряд на детской даче столкнулся с настоящей катастрофой. Старшая вожатая Зиночка вбежала на веранду с горящими глазами и объявила: «Ребята, через два часа общедачный праздник! От каждого отряда нужно срочно сочинить стихотворение про лето. Кто у нас поэт?»

Все тут же повернулись ко мне. Почему-то в отряде непоколебимо верили, что раз я умею быстро читать и не путаю буквы в стенгазете, то у меня точно есть великий дар сочинительства. Мой лучший друг Мишка, в этот момент как раз дожевывал третью ватрушку. Он авторитетно закивал, испачкав нос творожком: «Да-да, она у нас как этот... поэт с косичками. Напишет — у всех челюсти отвиснут!»

Я пыталась робко возразить, что мои поэтические навыки ограничиваются рифмой «кошка-ложка-бабка-ёжка», но меня никто не слушал. Вожатая вручила мне блокнот, карандаш и буквально вытолкала навстречу славе.

В панике я побежала в дачную библиотеку. Там пахло старыми журналами и тишиной. Я судорожно схватила с полки первую попавшуюся книгу — это был томик Александра Сер-

геевича Пушкина. Открыла наугад, и мои глаза упали на гениальные строки. «Ну а что? — подумала я. — Пушкин же наше всё, он не обидится. Чуть-чуть подправлю, и готово!»

Гордая и окрыленная успехом, я поспешила на праздник. Атмосфера была торжественной. Настала моя очередь. Я вышла на сцену, расправила плечи и с выражением, громко, глядя прямо в небо, прочитала стихотворение, приписав все строки себе. На мой взгляд получилось шедеврально:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...
А наш Мишка на веранде
Вместе с бабочкой кружит!

Леночка в первом ряду зажмурилась от восторга. Вожатые замерли. Даже комары, кажется, перестали кусаться, поражённые масштабом моего триумфа. Когда я закончила и отвесила земной поклон, наступила тишина. Первые три секунды дети сидели, буквально открыв рты от такого высокого стиля. Мишка даже перестал жевать. А потом эффект превзошел все ожидания, зал взорвался!

Дети бешено зааплодировали, решив, что «тройка борзая» — это наш физрук и два его помощника. Но вот взрослые во главе с начальником дачи просто покатились со смеха. Они рыдали, вытирали слёзы платками и сползали со стульев, а физрук громко хохотал, выкрикивая: «Ай да Пушкин, ай да молодец!» Я стояла и думала: «Надо же, как их зацепило про Мишку и бабочку!»

Я раскланивалась, как настоящая примадонна, чувствуя, что слава близко.

Но триумф длился недолго. После концерта наша строгая библиотекарша ласково взяла меня за локоть и отвела в сторонку.

Она посмотрела на меня поверх очков и с доброй улыбкой сказала:

— Ну что, юное дарование? Стихи прекрасные. Только Александр Сергеевич их написал еще полтора века назад, и вообще там было про зиму. Задание-то было — сочинять про лето самостоятельно, а не переписывать классиков!

Я густо покраснела, до самых кончиков ушей. Так, в один прекрасный летний день, поэта из меня и не вышло. Зато с тех пор Мишка меня уважительно именовал «наше солнце русской поэзии» и всегда делился четвертой ватрушкой!

Трюкач поневоле

В тот день мы сошлись в титанической битве «Цепи кованые, раскуйте нас!». Наша команда выстроилась в шеренгу, накрепко сцепив руки, будто мы охраняли как минимум сундук с сокровищами, а не просто кусок дачного газона.

Правила все знают: стоишь, держишь соседа за руку так, будто от этого зависит судьба человечества, и ждёшь, кого вызовет команда соперников. Напротив, выстроилась шеренга противника, и наш капитан во всё горло закричал:

— Цепи кованые, раскуйте нас!

— Кем из нас? — дружно донеслось с того конца площадки. Противники были готовы к любому повороту судьбы.

— Вовкой! — выдохнули мы. Вовка — парень юркий, шустрый, как ракета. Он разбежался так, будто за ним гнался целый рой рассерженных дачных пчёл. Земля дрожала, цветы пригибались к земле. Вовка целился прямо в середину нашей цепи, где стоял Мишка.

А надо сказать, что Мишка к любому делу подходил с колоссальной ответственностью. Если уж он брался за руки соседа, то сжимал их так, словно это были последние две сардельки на планете. Намертво! На века!

Вовка на полной скорости врезался в Мишкину оборону. Раздался глухой Вовкин выдох, звук «Бум!», Мишка только крякнул и зажмурился от усердия. Цепь даже не дрогнула. Мишка стойко принял удар, а щёки у него смешно надулись, как у хомяка. Вовка, вместо того чтобы гордо разорвать наши ряды, буквально повис животом на железной Мишкиной руке, как бельё на верёвке!

Затем прямо на лету сделал изящный кувырок в воздухе, перевернулся вверх тормашками и... аккуратно пошел на руках!

Да-да! Он не упал, не закричал, а просто зашагал на руках вперёд, да так уверенно, перебирая ладонями по траве, будто всю жизнь только этим и занимался. Одуванчики летели в разные стороны, кепка свалилась, а он идет себе вперед, как ни в чем не бывало.

«Ого! Ничего себе, он, наверное, тайно в цирке выступает! — восхищенно подумала я, открыв рот от изумления, мысленно примеряя на него клоунский нос и расшитый костюм акробата. Или у него папа — директор шапито, а может мама — укротительница тигров!»

Все мы так и застыли с открытыми ртами. Сам Вовка, кажется, тоже опешил от собственных скрытых талантов. На его лице отражалась вся гамма чувств — от дикого испуга до гордости за то, что земля и небо внезапно поменялись местами. Он и сам не знал, что обладает даром хождения на руках!

Правда, триумф длился недолго. Метра через три Вовка все-таки шмякнулся в клевер.

Весь оставшийся день на даче об это только и говорили. В один момент Вовка стал местной знаменитостью, гордо ходил в окружении стайки ребят и всем обещал показать «смертельный номер». Но вот парадокс: сколько он потом ни разбегался, сколько ни тужился и ни пытался снова пройти на руках — ничего не выходило! Ноги упорно перевешивали голову, а магия цирка бесследно испарилась. Он и боком пробовал, и кувырком, и просто носом в траву. Видно, цирковое волшебство Мишкиного живота работало только один раз за лето! Или этот дар открывается только в экстренных случаях — когда на твоём пути встаёт непреодолимая сила в виде нашего Мишки!

Тайна «Избушки на курьих ножках»

Лето на детской даче — это вам не манную кашу с комочками ковырять! Это настоящее время великих открытий, разбитых коленок и круглосуточных приключений.

В тот день мы с ребятами бились в финале нашего личного «Кубка Дачных Чемпионов». Матч века, не меньше! Я стояла на воротах, Леночка работала на перехвате, а Мишка изображал из себя грозного нападающего бразильской сборной. Играли мы с таким азартом, что даже не заметили, как мяч улетел на самый край участка. Туда, куда даже вожатые заглядывать боялись — в самый потаенный, заросший лопухами и крапивой уголок.

Мы побежали туда всей гурьбой. Глядим — батюшки мои! Среди густых зарослей стоит самая настоящая избушка. Старенькая, перекошенная, ну точно на курьих ножках, только цыпочек не хватает.

Тут Леночка кричит:

— Глядите, наш мяч!

Она уже приготовилась его схватить, но Мишка, обуреваемый жаждой гола, как разбежится, как ударит с размаху! Мяч свистнул, как пушечное ядро, и — бабах! — прямо в окно этой избушки.

Дзынь! — стекло со звоном разлетелось на тысячу мелких осколков.

У нас внутри всё так и оборвалось. Мы замерли, как вкопанные, и затаили дыхание. Сердце у меня прямо в пятки ушло и там застряло. Стоим. Ждём. Сейчас, думаем, выскочит какой-нибудь грозный сторож с метлой или начальник дачи с выговором. Но тишина… Никто не ругается.

— Надо идти на разведку, — прошептал Мишка, прячась за мою спину.

Поскольку идти всем было одинаково боязно, мы решили отправить самого маленького — Вовку. Вовка у нас парень отчаянный, хоть и ростом с гномика. Мы его легонько подтолкнули, он вздохнул, как перед прыжком в ледяную воду, перешагнул через крапиву и скрылся в темноте избушки.

Проходит минута. Две. Пять. Вовки нет. Пропал товарищ! И тут — о ужас! — из ржавой трубы на крыше избушки повалил густой, серый дым.

У Леночки задрожали косички:

— Всё… — прошептала она. — Это Баба-Яга. Она Вовку поймала, на лопату посадила и в печь засунула! Сейчас поджарит и съест!

У меня в голове сразу нарисовалась страшная картина: наш Вовка, румяный, как пирожок, жалобно зовёт на помощь. Что делать? Физрука звать долго, да и за стекло влетит. Надо спасать товарища самим! Один за всех и все за одного!

— В атаку-у-у! — крикнул Мишка, и мы, зажмурив глаза, с криками «Ура!» ворвались в избушку, готовые биться с нечистой силой до последнего вздоха.

Врываемся… и застываем с разинутыми ртами.

Никакой Бабы-Яги там, конечно, не было. У печки стояла крошечная, аккуратная старушка — самый настоящий божий одуванчик в цветастом фартуке. А на столе уже пыхтел пузатый самовар. Из трубы-то дым шёл, потому что она печь растопила!

Вовка жив-здоров, сидел на стуле, болтал ногами и вовсю уплетал земляничное варенье прямо из банки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.